

ТАТЬЯНА КОРНЕЛЬЕВНА ЮРКОВСКАЯ (к 80-летию со дня рождения)

TATIANA KORNELIEVNA YURKOVSKAYA (TO THE 80TH ANNIVERSARY OF HER BIRTHDAY)

В 2010 г. исполнилось 80 лет известному болотоведу, геоботанику, ботанико-географу, картографу Татьяне Корнельевне Юрковской. Неугомимый исследователь, Т. К. объездила всю Карелию, Прибалтику, север Европейской России; и сейчас она выезжает на экскурсии, например, в Сибирь. Ею опубликовано около 300 работ, в том числе карты растительности, монографии по районированию и типологии болот, биографии ученых и т. д. В 1989—2006 г. Т. К. руководила Лабораторией географии и картографии растительности БИН (на этот период пришлось самые трудные годы перестройки!).

Свой юбилей Т. К. отметила на заседании Секции болотоведения РБО презентацией новой книги «Направления исследований в современном болотоведении России» (СПб., 2010), в которой она выступила как редактор и один из авторов. Тогда же она поделилась своими воспоминаниями, которые редакция «Растительности России» посчитала интересными и предложила Т. К. передать их для публикации на страницах журнала.



Редакция общероссийского геоботанического журнала «Растительность России» поздравляет Татьяну Корнельевну Юрковскую с днем рождения, желает здоровья, бодрости, осуществления всех планов и предоставляет слово юбиляру:

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ: МНЕ 80

Я родилась на 17-й линии Васильевского острова, где в квартире бабушкиного двоюродного брата Сергея Константиновича Пилкина наша семья жила с 1923 г. Мы приходим из так называемых «бывших», т. е. из дворян. По женским линиям это было самое высокое столбовое дворянство. Обе мои бабушки княжеских родов — Остроградских и Карамышевых. До сих пор существует в Псковской области ж.-д. станция Карамышево, а под Выдубецким монастырем на Черемнецком озере — замшелые могилы предков. В «Пушкинском вестнике» я

прочла, что Пушкин по дороге к себе заезжал в имение к Карамышеву под Лугой. Помните его стихотворение: «Есть на свете город Луга Петербургского округа, хуже не было б его, если б не было на свете Новоржева моего». Бабушкиной матери принадлежало имение Скреблово, где в наше время сотрудница БИНа З. М. Силина разводила тюльпаны. Любопытно, что в моей жизни много таких переосечений, и я их несколько раз отмечу специально. Немного о жизни в Скреблово можно прочесть в дневнике поэта Надсона. В советское время дом

в Скреблово был памятником архитектуры Ленинградской области.



Барский дом в усадьбе Скреблово.
Manor house in Skreblovo estate.

По мужской линии предки были не столь родовиты, но в свое время достаточно деятельны и известны. «От реки Осьма до Дорогобужа генерал-майор Юрковский с двумя егерскими полками и легкой кавалерией преследовал неприятельский арриергард...», — писал генерал Ермолов в «Записках» о войне 1812 г. Мой прадед Евгений Корнельевич был наказным атаманом Терского казачьего войска (т. е. главой Терской области) с 1881 по 1887 г., генерал-губернатором Владикавказа, председателем комитета по сооружению первого в России памятника Лермонтову в Пятигорске.



**Бывшая резиденция генерал-губернатора
во Владикавказе (фото 1955 г.).**

Former residence of the Governor-General in Vladikavkaz, 1955.

О встрече с ним оставил заметку наш русский драматург А. Н. Островский: «30 октября 1883 г. в 3 часа 33 минуты приехали во Владикавказ. Остановились во дворце, встретил Юрковский (гвардеец). Был уж приготовлен роскошный обед с буткетами цветов. После обеда поехали на станцию железной дороги, где для нас был готов экстренный поезд. Я с братом поместился в превосходном вагоне-салоне, стены и мебель обиты пунцовым штофом, драпировки из белого атласа».

Из других предков упомяну еще только моего деда, маминого отца, Владимира Александровича

Казанского. Дело в том, что он уже имеет ко мне и нашей науке, болотоведению, некоторое отношение. Материал для своей университетской диссертации, как тогда называли дипломную работу, он собирал, работая летом в Полесье, в Белоруссии, в экспедиции Жилинского по мелиорации Пинского Полесья. Дед этот мой всегда был полон разных проектов и планов, но все они разбивались из-за отсутствия денег. Например, он первым начал издавать в Петербурге профессиональную железнодорожную газету и журнал. На выбор мною профессии диссертация деда не повлияла, т. к. дядя мне подарил ее по случаю окончания университета. Болотоведом я решила стать в заповеднике «Лес на Ворскле», когда мы с Мариной Боч отправились в черноольшаник, а в нем было очень много ягод, и я решила, что выбираю болота, где можно совмещать работу и вкусную еду.

Жизнь каждого человека складывается из определенных этапов, и конец одного является рубежом для другого. Так и моя. Раннее детство на Васильевском острове, с 1935-го до лета 1941-го — г. Пушкин, Детское Село; 1941—1944-й — война, эвакуация; ноябрь 1944-го — возвращение в Ленинград и учеба в старших классах; 1948-й — окончание школы и университет; 1951-й — Вильи Горы и Ширинские Мхи; 1952-й — встреча с Е. А. Галкиной и первая поездка в Карелию и т. д.

Детство на Васильевском я помню очень плохо. Хорошо помню водолазов, за работой которых я любила наблюдать у нас на набережной; церковь — «Киевское подворье», куда меня няня водила, по-моему, каждый день, и с той поры до сих пор я, неверующая, люблю ставить тоненькие свечки в церквях и люблю просвирки. Своей малой родиной я считаю Детское Село — г. Пушкин. Пока была жива бабушка, меня воспитывали очень строго. Я учила французский, брала уроки фортепьяно и посещала танцкласс. Здоровалась я со всеми, делая глубокий реверанс. После смерти бабушки началась моя дворовая свобода, здесь я приобрела своих первых друзей, большинство которых, увы, погибло в войну и блокаду, здесь я пошла в школу и до войны кончила 3 класса. На городской олимпиаде читала с эстрады «Песню-молнию» Маяковского и вообще была девчонкой очень бойкой, была председателем пионерского отряда. Играла только с мальчишками, в чеканку и об стенку на деньги, бегала по крышам, любимые игры — лапта, штандер и казаки-разбойники, а зимой — лыжи и финские сани.

Все прервала война. 22 июня мы вышли с мамой из дома, чтобы ехать на Сиверскую. Открывается дверь соседней квартиры и соседка — тетя Нюра Елисеева — говорит: «Вы знаете, что началась война?» (у нас не было радио). Мы вернулись домой, но поехали на следующем поезде, ведь мама работала. На Сиверской мы рыли окопы и ловили шпионов. 11 июля детдом, где мама работала, вывезли в Ленинград, а 12 июля станцию Сиверская разбомбили. 13 июля детские дома Василеостровского района посадили в эшелон и повезли на Урал. Маму назначили директором детдома, и мы должны были ехать беспрекословно.

В эвакуации мы жили в 18 км от Свердловска, на ж.-д. ст. Малый Исток. Теперь там загородная резиденция бывшего губернатора Свердловской области Э. Росселя. Там я училась в 4-м и 5-м классах.

Школа была хорошая, сильная, большинство учителей — москвичи, жены военных летчиков с военного аэродрома в Кольцово. Сейчас там Свердловский аэропорт. И на кладбище между Кольцовом и Истоком остались лежать и многие погибшие летчики, и наши старики.

В 1943 г. мамину школу-интернат перевели в Свердловск, на ВИЗ, и мы переехали тоже. ВИЗ — это рабочая окраина Свердловска, где находится Верх-Исетский завод, тогда она состояла почти целиком из частных одноэтажных домов.

Окончание войны я встретила на ул. Проф. Попова (вот и 2-е пересечение), только в противоположном от БИНа ее конце. Там мы жили на углу ул. Грота, и училась я в помещении школы слепых, а после войны я кончала школу на Бол. Зелениной. Завучем младших классов у нас была мать А. А. Ниценко, учитель математики и очень строгая, ее все боялись и звали «севрюга». А учителем черчения в 7-м классе был Николай Иванович, дядя А. А. Ниценко (видите, сколько пересечений!), добряк, абсолютно не педагог, он преподавал в художественном училище им. Мухиной и только в войну вынужден был пойти в школу, на нас он внимания почти не обращал и занимался только со способными девочками.

Особо вспомню Петергоф, но не просто как дань нашей любви к знаменитым пригородам. После войны Петергоф, как и многие другие дворцы, был полностью разрушен и в конце 1945 г. Н. Н. Белехов, начальник Инспекции охраны памятников архитектуры Ленинграда, добился аудиенции у Сталина и убедил его в необходимости восстанавливать дворцы. К этой работе он привлек мою тетю, Евгению Владимировну Казанскую, мамину младшую сестру, и летом 1946 г. я с тетей, ее маленьким сыном и будущим мужем оказалась в Петергофском парке. Все лежало в руинах, были только скульптуры Адам и Ева, по-моему, римские фонтаны и, кажется, грибок, из каскадов — шахматная горка, но без воды. Мы жили в правом флигеле Монплезира, он был цел, я нянчила маленького двоюродного братца, мыла посуду в заливе, а тетя и дядя делали обмеры. В дальнейшем дядя, архитектор Александр Эрнестович Гессен, восстанавливал Монплезир, а тетя — дворец, сначала вместе с В. М. Савковым, а затем она стала главным архитектором. За эту работу она получила золотую медаль Академии художеств, единственная в ту пору из архитекторов Ленинграда.

В 48-м году я окончила школу и поступила в Университет.

После школы я твердо знала, что хочу стать ботаником, но о геоботанике услышала только в день открытых дверей. Об этом рассказал Александр Петрович Шенников — что вот есть еще такая ботаника, которая изучает не отдельные растения, а целые растительные сообщества: лес, луг и т. п. И я решила, что стану изучать леса, и первой моей курсовой были дубовые леса северо-запада, и моим руководителем стал А. А. Ниценко.

Ничто не рождается на песке. Мне повезло на творческом пути. Моими учителями были известные болотоведы, яркие как ученые и как личности, ставшие теперь классиками болотоведения: И. Д. Богдановская-Гиенэф, Е. А. Галкина, А. А. Ниценко.

Несмотря на то, что мы доставляли А. А. массу хлопот и даже неприятностей, начиная с первой экспедиции, куда мы поехали после 2-го курса, А. А. относился к нам очень хорошо. Группа была большая, дружная и сильная, но в то же время очень своевольная и трудно управляемая. Например, после похода на р. Рагушу мы устроили на кафедре выставку рваной обуви и станцевали местную деревенскую кадрили и ручеек. Из экспедиции в Пчевжу мы привезли частушки, которые поем до сих пор. После экзаменов по болотоведению А. А. написал о нас в многотиражке: «Вчера группа геоботаников 3 курса сдавала экзамены по болотоведению, все показали хорошие знания, блестяще отвечали студентки Шуб и Юрковская».

В наше время даже представить себе было невозможно, чтобы не посещать лекции и занятия по специальности. Один раз я опоздала на болотоведение и до перерыва простояла у двери, ожидая звонка. И мне попало от И. Д., она сказала, что надо было сразу войти, потому что я бы пропустила только 10—15 минут лекции, а так всю ее половину.

На кафедре была замечательная атмосфера, которую создавали все преподаватели во главе с Александром Петровичем и Ивонной Донатовной. Большую роль в воспитании нашей группы сыграла Т. А. Попова, в то время аспирантка.

Но главное в нашей жизни геоботаников — это экспедиции, экскурсии, природа и встречи, им я уделяю основное внимание в этих воспоминаниях. В свою первую экспедицию мы поехали еще до того, как стали геоботаниками и нас распределили официально по кафедрам. Это была ботаническая экспедиция биологического факультета в Ленинградскую область и руководил ею Н. А. Миняев, а геоботанический отряд возглавлял А. А. Ниценко, он и пригласил нас, 9 девочек, будущих студентов кафедр. Это было здорово, мы многому тогда



Т. Юрковская за описанием лугов на р. Теребешка в экспедиции 1950 г.

T. Yurkovskaya making a geobotanical survey of meadows by Terebeshka river. Expedition in 1950.

научились, но когда я получила свою пачку описаний, чтобы писать по ним курсовую по заболоченным лесам, то оказалось, что в разделе «моховой покров» почти у всех было написано *Sphagnum* «X» и *S. «Y»*, но в гербарии они отсутствовали. Работали

мы попарно, и моей парой была Марина Боч. Тогда и началась наша дружба. Я много времени проводила у Марины, вместе ходили на балеты, особенно нравилась прима Малого оперного — Л. Сафронова (как оказалось впоследствии — старшая сестра И. Н. Сафроновой). Вместе бегали на каток, заручившись финансовой поддержкой Мариной бабушки. Марина открыла мне поэзию Серебряного века, и до сих пор одним из любимых мною поэтов является Игорь Северянин.

Следующей была научно-производственная практика. Руководитель ее И. Д. Богдановская заболела, и мы (7 человек) ехали одни. Приехали на ст. Пчевжа, нашли избу и устроились на житье в деревне Березняги. Но вскоре разделились на 2 части: луговеды — Л. Демина (Л. А. Кирикова, будущий автор, вместе с В. С. Ипатовым, учебника «Фитоценология»), С. Пивник (С. А. Грибова), О. Пигулевская (О. В. Ребристая) и Т. Шуб — остались в Березнягах, а болотоведы (Марина, Галя Пономарева и я) переселились в д. Белая. Там находилась гидрометеостанция Вильи Горы, подчиненная Государственному Гидрологическому институту, и 2 будущих классика, а тогда еще довольно молодые ученые, только создававшие свои знаменитые теории, — гидролог К. Е. Иванов и гидрофизик В. В. Романов, которых кафедра попросила нас опекать, — настояли на нашем переезде, чтобы быть ближе к болоту. Они устроили нам экскурсию в центр резковыпуклого моховика, где находилась метеоплощадка и стоял лоток для опытов по фильтрации воды в торфяной залежи. Затем нам отвели самый дальний участок болотной системы Ширинские Мхи, где мы должны были заложить профиль, сделать по нему зондировку, бурения, отобрав образцы торфа на ботанический анализ, и сделать геоботанические описания. С Галей Пономаревой я дружу до сих пор. Ее бабушка, человек замечательный, писала нам письма: «Дорогие мои обсевки, в поле

брошенные... А теперь я вам посылаю рецепт каши-кислятки» (полевой каши Воронежской обл.). Кашу эту мы часто делали в русской печке. Лето пробежало быстро и незаметно, мы много веселились, танцую кадрили под сурдинку или гармонь и распевая частушки в Березнягах или устраивая у нас в Белой танцы под аккомпанемент хозяйского патефона; запомнилась знаменитая ария «Лолите 18 лет...» в бесподобном исполнении Люси Деминой. Тем не менее, всю работу мы успешно выполнили и набрали хороший материал для курсовых.

Самым знаменательным оказался 1952 г., мы познакомилась с Е. А. Галкиной, и она взяла М. Боч и меня в экспедицию в Карелию. Лижма — порожистая карельская река и одноименное село, отсюда начинался мой карельский маршрут длиной в целую жизнь. Именно Галкина научила нас дешифрированию аэрофотоснимков, под ее руководством мы начали делать первые крупномасштабные карты болот. Она же учила нас анализировать материал и делать первые доклады. Каждый из 7 студентов — членов отряда по очереди назначался начальником болота, он должен был наметить профили и пункты бурения и описания, распределить людей, а затем сделать общее описание болотного массива, заполнив бланк болотного ландшафта, и сопроводить его картой. В один из вечеров следовал доклад и его обсуждение всеми участниками экспедиции.

В 1953 г. я окончила Университет и поступила в аспирантуру Института биологии Карельского филиала АН СССР, директором которого тогда был Ю. И. Полянский. Годы аспирантуры я провела в отделе геоботаники БИНа, так как Е. А. Галкина была его сотрудником. В отделе и в БИНе в это время было много молодежи, жизнь бурлила. Но никаких специальных молодежных конференций и т. п. не было, считалось, что молодежь — это уже дипломированные специалисты и должны на равных со старшими коллегами участвовать в семинарах, дискуссиях и совещаниях, а не пользоваться скидками на возраст и вариться в своем соку. В БИНе была стенгазета для молодых «Комсомолец», Марина и я входили в состав редколлегии и под началом В. Шамурина, признанного поэта, сочиняли стихи на заданную тему. Я помню начало своего вымученного опуса «С первого года слышишь нотации, пора приниматься за диссертации, самые дружеские советы, будущему кандидату — заветы...». В отделе геоботаники издавалась своя стенгазета «Коллочка». В ее редколлегию входили Б. Норин, Е. Рачковская и др. Коллочка выпускалась к 7 ноября и Новому году, которые отмечались в зале всем Отделом. Зимой аспиранты БИНа часто ездили вместе на лыжах в Зеленогорск. Там была устроена раздевалка для лыжников прямо на вокзале, а лыжней было на все вкусы. Самым лихим лыжником был Н. Цвелев, спускавшийся с отвесных скал. На обратном пути в поезде играли обычно в карты «Верись — не верись». В выходные друзья-однокурсники, выпускники биофака 1953 г. и их поклонники, часто собирались у Аллы Маценко (аспирантки Е. Г. Боброва), болтали, играли в биб-доп и настольный теннис, а Наталья Дмитриевна (мама Аллы) потчевала нас разными вкусностями. Кстати, А. Маценко была единственной из аспирантов нашего года, кто защитился в срок.



М. Боч и Т. Юрковская в деревне Белая, 1951 г.
M. Botch and T. Yurkovskaya in the village of Belaya, 1951.

Перед самым окончанием аспирантуры вышло постановление о необходимости публикаций по теме. Большинство аспирантов и их руководителей оказались к этому не готовы. Мы с Мариной писали свою первую маленькую статью в «Ботанический журнал» втайне от Галкиной, и она вышла в 1956 г., у меня перед этим были опубликованы только тезисы, а у Марины — ничего, и этого было недостаточно для защиты. Е. Г. Бобров был опытным руководителем и вовремя нацелил Маценко на публикации. Я и Боч защитились только в 1959 г.

Лето по-прежнему было в карельских экспедициях, но я уже самостоятельно руководила полевым отрядом. Последнее лето писалась работа, и мне удалось получить разряд по теннису, которым я занималась в теннисной секции ЛГУ под руководством тренера Е. Шехтер.



**Т. Юрковская в конце экспедиции 1954 г.
у оз. Елма в Карелии.**

T. Yurkovskaya at the end of the expedition 1954, Elma Lake, Karelia.

В декабре 1956 г. я была зачислена младшим научным сотрудником в Лабораторию болотоведения и мелиорации Института биологии, которой руководил Л. Я. Лепин. Я сняла комнату в мезонине деревянного частного дома на окраине Петрозаводска. Петрозаводск в ту пору был небольшим и преимущественно деревянным, вода на улице в колонке, дрова и печки. Утром я с В. Ларининым, моим коллегой по лаборатории, снимавшим комнату рядом, пробежали по заснеженным огородам, затем через центр города на Голиковку, где на ул. Калинина в деревянном 2-этажном здании помещался наш Институт биологии. Отдельные части Петрозаводска до сих пор сохранили своеобразные названия: Древянка, Зарека, Ключевая, Сулажгора

и т. п. Один из парков в центре города называется Ямка.

Но в городе был музыкально-драматический театр с великолепной драматической труппой, а также хорошей опереттой и балетом. Кроме того, финский драматический театр и филармония с неплохим оркестром и дирижерами, некоторые из них стали известными, например Ю. Аранович, А. Дмитриев и др. Часто устраивались выставки карельских художников, многие из которых в ту пору были моими ровесниками или чуть старше. Среди них А. Авдышев — великолепный график и поэт; М. Мечев (в настоящее время действительный член Российской академии художеств), автор знаменитых иллюстраций к Калевале и к Евангелию; Тамара Юфа — оригинальный книжный график и портретистка; Ф. Ниеминен — великолепный портретист; скульпторы братья Ланкинэн и др. Одним словом, молодой интеллигенции в ту пору в Петрозаводске было интересно и жить, и работать.

На работе я быстро включилась в активную творческую и общественную жизнь коллектива, а после защиты вошла в состав ведущих сотрудников института, став членом Ученого совета, членом редколлегии изданий к ежегодным научным конференциям института, председателем его Профбюро. В 35 лет я стала старшим научным сотрудником и получила аттестат ВАК. Участвовала в лыжных походах и соревнованиях. Под руководством известного этнографа-топонимиста Г. Керта занималась в группе настольного тенниса Карельского филиала АН, совершенствовала немецкий язык также в филиальском кружке. Особенно активна стала научная жизнь с приходом В. П. Дадькина на должность Председателя Президиума Карельского филиала. Это был человек широкого размаха, большой эрудиции и смелости. К сожалению, он родился не в то время и руководил недолго, но его дела живы до сих пор. И прежде всего — главное здание Карельского Научного центра РАН, построенное по его инициативе и его проекту; существует и тот импульс, который он придал научному коллективу. После его ухода была определенная стагнация, вызванная руководством филиала и Института леса и поддержанная Обкомом партии, а затем хрущевской реорганизацией науки. В этот период из Института леса, например, была уволена М. Л. Раменская, якобы за ненадобностью, крупнейший флорист и геоботаник во всем североевропейском регионе того времени, и ряд других ученых, но Институт биологии выстоял, и сейчас в нем работает отличный коллектив ученых.

В Петрозаводске я проработала 11 лет, и это была великолепная школа для творчества, для развития самостоятельности мышления, для умения работать в коллективе. Полагаю, что именно Петрозаводску, Институту биологии, его коллективу, директору С. Н. Дроздову, ученому секретарю А. А. Комулайнен и, конечно профессору В. П. Дадькину я обязана своим становлением как ученого. Многим я обязана и моим коллегам по Лаборатории болотоведения и мелиорации: ее заведующему Л. Я. Лепину, М. Н. Никонову, И. М. Нестеренко, Г. А. Елиной, Н. И. Ронконен, А. А. Беловой, а также некоторым старшим коллегам из других подразделений: З. И. Филимоновой, Т. А. Барской, В. И. Волковой.

Моя частная жизнь в Петрозаводске оказалась насыщенной, интересной и благополучной благодаря моим друзьям и прежде всего благодаря дружбе с А. В. Линевской. Мы познакомились в 1952 г. в Лижме, в первой карельской экспедиции, она тогда работала с Е. А. Галкиной, занимаясь дешифрированием аэрофотоснимков, и мы дружим с ней до сих пор. Благодаря ей я никогда не чувствовала себя одинокой, оторванной от дома, мамы и Ленинграда. Меня приняла сразу и вся ее семья. Я проводила много времени в ее доме. Часто мы собирались и у меня. Я подружилась с ее сыном. С ним и его друзьями я каталась на лыжах, мальчики учили меня танцевать. Весной и осенью мы часто ездили вместе на природу. Дом А. В. Линевской был одним из интеллектуальных центров Петрозаводска, у нее бывали многие художники, писатели, музыканты и благодаря ей я тоже познакомилась с некоторыми из них: М. Мечевым, В. и А. Авдышевыми и др. Ее муж — также очень интересный человек: археолог, этнограф, один из открывателей наскальных рисунков, известный писатель, автор увлекательной детской книги «Листы каменной книги» и знаменитой исторической эпопеи «Беломорье». Я бережно храню подаренные мне рисунки и книги с автографами.



Ранней весной в окрестностях Петрозаводска.
Early spring in the outskirts of Petrozavodsk.

Летом 1957 г. состоялась первая экспедиция в Лоухский район под моим руководством. Главная трудность для меня заключалась в том, что все мои подчиненные были чуть старше меня, к тому же это мои подруги, и я не могла командовать, когда это было необходимо. Кроме того, район в то время был еще не очищен от мин. Например, в одном месте, где мы остановились на ночлег, пограничники, пришедшие проверять документы, очень

удивились, что мы работаем без минера и тут же сообщили, что накануне здесь подорвался отряд таксаторов, от которых не осталось ничего, кроме пучка волос. Мины нам попадались неоднократно, и старые снаряды, но, к счастью, ничего не взорвалось. Мы были молоды, полны сил и провели детальные исследования большой территории. нас опекали геологи, которые в то время были привилегированной частью филиала, у нас с ними была общая машина ГАЗ-51 и они часто давали ее нам надолго, зная, что в отряде одни девчонки. Кроме того, время от времени они посылали нам великолепную свежезасоленную рыбу — лосося и кумжу. Это был отряд А. И. Богачева и шофер, В. Песнин, ходил с нами в маршрут и помогал таскать штанги и бурить торфяную залежь. По материалам этой экспедиции я опубликовала в 1964 г. статью о типах болот Лоухского района, которую часто цитируют и которой я не стыжусь до сих пор.

Экспедиции следовали одна за другой из года в год, преимущественно в северные малоизученные районы Карелии.

В 1963 г. мы с Елиной впервые попали на южноприбеломорские болота в Нюхче. Поморье захватило нас в плен сразу: суровостью своей природы, в которой доминируют бескрайние болота, причудливой красотой приморских лугов, запахом водорослей, нежным ароматом *Dianthus superbus*, своеобразием поморских сел, бытом и нравом их жителей. Прошло столько лет, но Нюхча до сих пор занимает особое место в моем сердце.

Во-первых, само село, где окошечки в мезонинах каждого дома ни разу не повторялись; самый замечательный их сюжет — 2 рыбки, плывущие навстречу друг другу. В доме у бабки, где мы остановились, за притолокой над дверью лежала рыба челюсть. В углу — медный рукомыльник ручнойковки. Все удивительно. «Андила, андила», как говорила наша хозяйка. Вообще старухи в селе были удивительные, с причудливыми северными именами. Они знали много старинных песен и певали нам их иногда. А еще сказки! Старинные русские сказки, но это был поморский, нюхчинский вариант.

А приливы! Мелководные реки, даже в устье забитые камнями, только во время приливов наполняются водой и становятся судоходными для лодок, валяющихся весь день на берегу. Именно во время прилива лодки выезжают на лов в море, в прилив они и возвращаются домой.

Окрестности сел почти безлесны, весь лес давно вырублен. На скалистых вараках (возвышенностях) растет редкий сосновый молодняк, да густой ярус багульника. Вдоль рек на склонах коренного берега, когда-то были ельники, а сейчас простираются разнотравные луга с аспектами нивяника и душистой северной гвоздики. Как только отходишь от реки, выходишь на коренной берег, оказывается всего лишь узкая полоса суши в 10—20 м, а затем начинаются болота.

Нам с Г. А. Елиной повезло, что мы начали свое знакомство с Поморьем именно с Нюхчи, так как ее болота, можно сказать, классические. Они располагаются на нескольких террасах, спускающихся к морю, и заканчиваются прекрасными приморскими лугами на солонцеватых почвах, чередующихся с яркокрасными пятнами *Salicornia europaea* и высокими зарослями тростников прямо на «няше» (зоне осушки). 1963-й год можно считать началом

нашей личной и творческой дружбы с Елиной, протянувшейся через всю нашу жизнь. В 1965 г. мы опубликовали в «Ботаническом журнале» совместную статью о болотах Прибеломорья.



Возвращение на поезде из Беломорска в Петрозаводск, 1964 г.
Returning from Belomorsk to Petrozavodsk by train, 1964.

Практически за годы работы в Карелии я побывала в экспедициях почти во всех ее уголках. Основные мои научные интересы сформировались также в Карелии. Это прежде всего география и типология болот, классификация растительности. Много внимания я уделяла определению сфагновых мхов и изучению их экологии и географии. Неоценимую помощь нам оказывала З. Н. Смирнова. Еще в нашу бытность студентами и аспирантами Л. И. Савич-Любицкая и З. Н. Смирнова, по просьбе Е. А. Галкиной, постоянно консультировали меня и М. С. Боч. И в дальнейшем, как бы ни была занята З. Н., она никогда не отказывала в помощи и проверяла сборы, в которых мы сомневались. Собственно, благодаря педагогическому таланту Зои Николаевны мы с Боч научились хорошо разбираться в сфагновых мхах. В результате я оказалась первой, кто обнаружил в Карелии местонахождения *Sphagnum subfulvum* и очень редкого для региона *S. imbricatum*. Сейчас в Карелии работают замечательные бриологи — А. И. Максимов, который считает себя моим последователем (но на самом деле я ему и в подметки не гожусь!) и М. А. Бойчук.

За годы работы в Карелии мне приходилось выполнять и многие практические темы по заданию дирекции, Министерства сельского хозяйства и райкомов и обкома партии, которые в то время ведали наукой. Так, я разработала вместе с инженером Агропроекта проект торфопредприятия по добыче торфа, и оно работало около 10 лет, снабжая подстилкой скотоводческие фермы Олонца, пока не погибло в результате пожара. В марте по заданию Управления лесного хозяйства проводила хронометрирование сбора семян сосны на семенных участках Ругозерского лесхоза и еще многое другое.

Последней научной темой в Институте биологии, которая во многом определила дальнейшее направление моих исследований, было составление среднemasштабной карты болот Карелии. Эта работа, которой по сути я руководила, поставила передо мной целый ряд практических и теоретических проблем. В решении практических задач мне очень помогли консультации Т. И. Исаченко и С. А. Гри-

бовой (Лаборатория географии и картографии растительности БИН). В результате я разработала легенду этой карты и обосновала систему соподчиненных картографируемых единиц. По предложению Т. И. Исаченко эта работа была опубликована в 1968 г. в ежегоднике «Геоботаническое картографирование» и нашла широкое признание среди коллег геоботаников-картографов СССР. В том же году я получила 2 предложения перейти на работу: от В. Б. Сочавы (в Институт географии Сибири СО АН СССР) и от Е. М. Лавренко (в Лабораторию географии и картографии растительности БИН АН СССР). Я выбрала последнее, хотя переход в БИН был связан с понижением в должности и с огромной финансовой потерей. Но я никогда об этом не пожалела, так как работа в таком сильном коллективе намного расширила мой кругозор и мои возможности как исследователя. А с В. Б. Сочавой я продолжала общаться как с редактором «Геоботанического картографирования» и пользовалась его вниманием во время приездов в командировки в Сибирь. До сих пор я горжусь тем, что в разговоре со своими иркутскими учениками он назвал меня «эта умная толстушка».

Конечно, мне пришлось многое начинать сначала, заново завоевывать авторитет и для этого очень много работать. Особенно много времени я проводила в экспедициях, по 3—6 месяцев в году, на меня же ложились и все хозяйственные и финансовые проблемы, потому что никто не хотел тратить на это время. Зато географический диапазон моих поездок расширился многократно в связи с тем, что основной темой наших исследований было составление карты современной растительности европейской части СССР. За период до 1979 г. я побывала в Прибалтийских республиках и Архангельской области, в Коми и Мещере, в северной лесотундре и снова в Карелии, но уже как геоботаник-картограф, исследуя преимущественно леса и лесоболотные сочетания. Для всей карты я составляла легенду и картировала растительность болот, но для Карелии, Московской и Калининской областей — полностью регионы (Московскую область вместе с Г. Д. Катениной, а Калининскую — с С. А. Грибовой). Зимой месяцами нам приходилось работать в областных управлениях лесного хозяйства, с огромной нагрузкой и в ужасных бытовых условиях.



Впервые в республике Коми. Рисунок М. Кислякова, двоюродного брата Т. Ю. 1970 г.

The first visit to the Republic of Komi. Drawing by M. Kisyakov, cousin of T. Yurkovskaya, 1970.

Этот период был самым плодотворным не только для меня, но и для всей лаборатории. Составленные геоботанические карты и публикации по географии и картографии растительности получили большое признание в научной среде и среди практиков. Мне приходилось выслушивать такие высказывания от участников крупных гидротехнических проектов, создания водохранилищ и т. п., что если бы они в период проектирования на все регионы располагали бы таким материалом, как «Карта растительности Европейской части СССР», то у них бы не было проблем.

Кроме того, в создании крупных картографических проектов участвовали большие творческие коллективы из разных регионов страны. Это способствовало творческому общению и повышению квалификации ученых, работающих в регионах, и молодежи. К сожалению, сейчас об этом можно лишь вспоминать. Нет ни большой страны, ни финансовой поддержки крупных фундаментальных (а не сиюминутных, рассчитанных на 3 года) проектов.

Помимо исследования болот и лесов, за время работы в БИН мне удалось сделать 2 географических открытия, и я горжусь этим. Это заставило пересмотреть географию некоторых типов болот. Во-первых, я обнаружила распространение аапа болот на всем бореальном пространстве севера Европейской России, а не в 2 ограниченных регионах (Кольско-Карельском и Среднепечорском). И когда я об этом написала в статье, то редакторы Т. Г. Абрамова и М. С. Боч сделали к ней примечание, что этого не может быть, потому что быть этого не может (в книге «Типы болот СССР и принципы их классификации», 1974). Вместе с С. А. Грибовой мы обнаружили распространение полигональных болот в пределах Малоземельской тундры. Однако до сих пор исследователи ссылаются на районирование болот Н. Я. Каца (тиражированное впоследствии М. С. Боч и В. В. Мазингом), где ареалы этих типов ограничены ошибочно. Эти авторы западной границей полигональных болот указывают о-в Вайгач, а распространение аапа ограничивают упомянутыми регионами. Между тем сейчас появляется все больше исследований и публикаций, подтверждающих наши открытия.

Я была уже автором ряда крупных работ и большого количества карт, у меня появились ученики, но почти 20 лет продолжала оставаться младшим научным сотрудником. Несмотря на то, что в кармане у меня, единственной в лаборатории, был аттестат ВАК на звание старшего научного сотрудника (занимавшие эту должность этого звания не имели), я получила должность с.н.с., когда лабораторией уже заведовала З. В. Карамышева. Писать докторскую диссертацию мне предложил А. Л. Тахтаджян, и вскоре я защитилась.

В течение 16 лет я заведовала лабораторией, с 1989 г. по март 2006 г. Это был трудный период, так как он совпал с перестройкой. Тем не менее лаборатория выстояла. Мы участвовали в создании крупных международных картографических проектов, таких как «Карта восстановленной растительности Восточной Европы», «Карта естественной растительности Европы», «Карта растительности Арктики» и ряде других. Крупные картографические проекты были также осуществлены в конце 1980-х гг. в содружестве и под руководством Лаборатории карт и атласов МГУ.

В канун перестройки, в 1990 г. была опубликована «Карта восстановленной растительности СССР» (для вузов) — итог работы большого творческого коллектива геоботаников и картографов страны. Я во всех картах занималась картографированием болот и составлением этого раздела легенды. После 1980 г. значительно расширились научные связи с зарубежными коллегами, прямое общение и обмен публикациями, участие не только в совещаниях, но и совместных проектах, поездках и экскурсиях. В 2006 г. вместе со своими 3 коллегами из Финляндии и Австрии я была избрана почетным членом IMCG (Международной группы по охране болот) — первый представитель от России.

Сейчас, когда жизнь уже фактически прожита, я могу сказать, что она прожита не зря. Я радуюсь и тому, что я еще в строю, что у меня еще работает голова и только за последние 10 лет я опубликовала 75 работ, в том числе книгу: Юрковская Т. К., Елина Г. А. Восстановленная растительность Карелии на геоботанической и палеокартах. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2009. 136 с.; а финны издали книгу на английском языке: Elina G.A., Lukashov A.D., Yurkovskaya T.K. Late glacial and Holocene palaeovegetation and palaeogeography of Eastern Fennoscandia. [The Finnish Environment 4] Helsinki, 2010. 300 p. Всего с 1956 г. мною опубликовано 290 работ. Я много общаюсь с молодежью, консультирую, оппонировать диссертации, пишу отзывы.



В Петрозаводском университете, оппонент на защите докторской диссертации О. Л. Кузнецова, 2006 г.

The University of Petrozavodsk. T. K. Yurkovskaya — an opponent of O. L. Kuzhetzov's dissertation. 2006.

В последнее десятилетие 2 мои ученицы, О. В. Галанина и Н. Н. Гончарова, защитили диссертации и успешно работают в области болотоведения и охраны природы, и я горжусь их успехами.

Я уже не езжу в большие экспедиции, но мне удается бывать на болотах во время болотных экскурсий. В 2007 г. я собрала на болоте в Западной Сибири *Sphagnum subfulvum*, это была первая находка для Сибири! В июне 2010 г. с группой специалистов из Архангельска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Финляндии мне удалось 2 дня прожить в лесу, посетить сложную болотную систему и сделать описание многочисленного аапа комплекса в центре ее.



Татьяна Корнельевна Юрковская в Ханты-Мансийске во время Международного симпозиума, 2007 г.
Tatiana Kornel'evna Yurkovskaya. International Symposium 2007. The town of Khanty-Mansiysk.

Сейчас я много внимания уделяю работе в РБО, Секцией болотоведения которого я руковожу. Наши заседания посещают многие болотоведы страны, выступают с докладами, апробируют свои новые идеи. Большую поддержку нашим начинаниям оказывает российское отделение Wetlands International.

Работая теперь в разных регионах, я часто возвращалась в Карелию, в изучении ее природы постоянно черпала новые идеи, участвовала в совместных проектах и публикациях и благодарна руководству Карельского Научного центра РАН, которое отметило мой вклад в фундаментальные научные исследования Карелии и наградило меня за это Почетной грамотой Президиума КНЦ. У меня очень тесные научные и дружеские связи с коллективом Лаборатории болотных экосистем, руководимой д.б.н. О. Л. Кузнецовым. В последние годы я много общаюсь с биологами Архангельска.

Моя научная жизнь, безусловно, удалась. Этому способствовала судьба, т. е. масса прекрасных людей, с которыми я сталкивалась на жизненном и творческом пути, которые учили меня, опекали и наполняли творческим горением.

© Т. К. Юрковская
T. K. Yurkovskaya

Ботанический институт
им. В. Л. Комарова РАН.
197376 Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 2
E-mail: yurkovskaya@hotmail.ru

Получено 13 декабря 2010 г.